

Отравленное детство

МАУ "Культурный Центр
"Автоград"
городского округа Тольятти
Библиотека
Отдел
отраслевой
литературы

27 января во всем мире отмечают Международный день памяти людей, замученных в Освенциме – лагере смерти. Эта дата напоминает о леденящих кровь преступлениях фашистской Германии – массовых убийствах ни в чем не повинных детей, женщин и стариков. В тот день в 1945 году советские солдаты смогли вызволить из плена сотни людей, над которыми фашисты издевались не один год. Среди них был и житель Тольятти Алексей Иванович Рыбаков, тогда ему было всего шесть лет.

День, когда началась война, четырехлетний Алеша запомнил очень хорошо. Они со старшей сестрой гостили у родственников в Ленинграде, когда по радио зазвучало страшное слово «ВОЙНА». Он не знал его значения, но понял, что ничего хорошего ждать от него не стоит.

– Когда из репродуктора доносилось сообщение Левитана, что на нас напали фашисты и в стране объявлена война, все вдруг начали плакать, – вспоминает Алексей Иванович. – Я еще не знал значения этого слова, но понимал, что это что-то страшное. Нас с сестрой посадили на поезд и отправили домой в Новгородскую область. Но состав не доехал всего одну остановку. Нас разбомбили немцы. Все вокруг горело. Сестра схватила меня за руку, и мы побежали в сторону леса. И тут рядом взорвалась бомба. Сестру сильно обожгло. Я тоже был ранен и потерял сознание. Кто-то заметил, что я живой, меня схватили и куда-то понесли. Позже, когда я очнулся, рядом была мама. Попытался у нее спросить, где сестра, где папа, но сказать ничего не смог, стал немой. А сестра, как позже узнал, стала глухо-немой.

Ни матрасов, ни постельного белья нам, конечно же, не дали. Спали прям на этих жестких палках, из которых торчали сучки. Было очень жестко, и эти сучки кололись страшно. Мама нас с братиком, который был на 2 года младше меня, старалась класть между этих палок и сучков, чтобы они не впивались в тело.

Но под защитой мамы малыши были недолго. Вскоре она заболела, и ее положили в больницу. Мальчикам разрешали к ней приходить.

– Там была чистота, белые простыни, – вспоминает мужчина. Я тогда про себя удивился даже этой белизне. Только многим позже понял, что это за больница такая была. Там работали ученые. Людей не лечили, а ставили на них медицинские эксперименты. Мама умерла, и мы с братом остались одни. Ее похоронили в большой яме. В нее клали людей слоями, засыпали землей, а потом снова клали.

После смерти мамы детей расселили. Алексей с младшим братом попал в один барак, а старшие дети – в другой. Куда их определили, мальчик так и не узнал. Вскоре в страшных муках умер и малыш.

детей, раздели и повели в баню. Но что это была за баня, мальчик осознал, только став взрослым.

– Нас завели в помещение, больше напоминающее зрительный зал, чем баню. Там была как бы сцена и зрительный зал. Вот нас всех раздели, поставили в этом зале, а немцы со сцены стали поливать из шланга мыльной водой. Мне было очень неприятно. Я сначала спрятался за женщиной, а потом за дедушкой. Он был весь сгорбленный и получилось, что он, как зонтик, накрывал меня, и вода на меня не попадала. Вдруг тело пронзила боль, и я отключился.

Очнувшись Алексей в горе трупов, которых уже вывезли к карьере. Охраны рядом не было. Он встал, огляделся и пошел к своему барaku. Позже он догадался, что фашисты пустили ток и людей убило. Его спас тот самый дедушка. Падая, он прижал малыша к полу своим телом, и удар тока не стал для него смертельным.

Мальчику хотелось есть, но на территории лагеря не было ни единой травинки, ни листочка, все было съедено. Он увидел за забором много травы и, ни о чем не думая, протиснулся худень-

перестал кричать и извиваться, собрал все силы и затих. И они от меня отстали, ушли.

Позже я еще два раза попал под ноги надзирателей, но уже знал, что нужно притворяться мертвым, и я притворялся, это и спасало меня.

ДОЛГОЖДАННОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ

– Зимой 1945 года я увидел русский танк. Старшие ребята нам рассказывали, что наши воюют под красной звездой, отсюда и знал, что это советский. Хотел закричать, но не смог. От переизбытка чувств потерял сознание. Очнувшись, надо мной два врача, которые говорили по-русски. Нас повезли на поезд. Я, видимо, был очень слаб и постоянно был в забытьи. В себя пришел почему-то в очень тихом месте, и было холодно. Это был морг. Я слез с носилок, стал стучать, меня услышали и отнесли в госпиталь. Положили в офицерскую палату. Там уже было много еды, но мне ее не давали. Я не понимал, почему, ведь я же очень хотел кушать. Офицеры мне все мололи в муку, разводили с водой или молоком и только так кормили с ложечки. Это только сейчас я понимаю, что нельзя было по-другому, у меня было сильное истощение и, навевшись, я бы сразу умер.

После госпиталя мальчика определили в детский дом. Врачи установили его возраст. По их прикидкам ему было шесть

лет. Там он встретил вест о Победе. Радость переполняла мальчишку настолько, что к нему вернулась речь.

– Я сидел в сквере, слушал музыку по репродуктору, и вдруг Левитан заговорил о нашей Победе и полной капитуляции Германии. И меня, как молнией, прошибло, я заорал: «Мы победили!» Все были удивлены, что немой заговорил. С тех пор я начал разговаривать, правда, с очень сильным заиканием.

В честь Победы у ребят был праздничный обед: дополнительный кусочек хлеба и 4 конфетки подушечки.

В детдоме Рыбаков окончил школу, поступил в ремесленное училище, пошел на работу. Все это время его не покидала мысль, что из их семьи мог кто-то выжить. Он искал, слал письма, запросы. Результатов не было 30 лет. И однажды в памяти всплыл адрес: деревня Каменный остров. Решил туда написать. И оттуда мне пришел ответ, что ваш брат Василий Иванович Рыбаков жив и живет там. Позже нашел двоюродных сестер и тетку по матери.

– Я прожил долгую жизнь, сейчас мне 86 лет. И я точно могу сказать, что по крайней мере шесть раз я был на волосок от смерти и всегда меня спасало какое-то чудо. И многие считают, что ангелов-хранителей нет, но я уверен, что мой ангел-хранитель существует и он меня хранит с самого детства.

Спустя какое-то время родной город Алексея заняли немцы. Всю семью Рыбаковых – маму и пятеро детей (отца-машиниста в первый день войны призвали на фронт) – выгнали из дома, они жили на складах, а позже их угнали в Польшу в лагерь Освенцим.

– Нас поселили в так называемый тифозный барак, – описывает бывший узник. – Он почти полностью был под землей. Вместо кроватей стояли двухэтажные нары, насех сбитые из неотесанных жердей и горбыля.

– Не знаю, почему, но надзиратели сильно избили его. Били страшно: ногами в живот и куда попадут, – говорит Алексей Иванович. – Братишка потом плакал сильно. Все показывал на животик. Я и дул его, и целовал, но ничего не помогло. К вечеру он вроде немного успокоился. Мы с ним легли, он обнял меня за шею, так и умер. Я помню, что его раздели и отнесли к печам.

Немного позже смерть близко подобралась и к самому Алексею. Фашисты собрали в кучу мужчин, женщин, стариков и

ким тельцем через параллельные ряды проволоки. Почему его не заметили с вышек, остается загадкой, но малыш смог выбраться. Правда «побег» длился недолго. Вскоре он снова оказался по ту сторону страшного забора.

– Там меня «радостно» встретили надзиратели и стали избивать ногами, – вспоминает Алексей Иванович. – Били так сильно, что я бы там и умер, но опять меня спасло какое-то чудо. Вдруг я услышал голос, который скомандовал: «Притворись мертвым!» Я его послушал,